

УДК 248+253

DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-283-305

Н. Ю. Сухова

СПОСОБНО ЛИ «ШКОЛЬНОЕ» БОГОСЛОВИЕ СТАТЬ ОПЫТНЫМ? (СВЯТОЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ КАК ВЫПУСКНИК ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ)

Аннотация. Представляемая статья посвящена связям святого праведного Иоанна Кронштадтского с высшей духовной школой и академическим богословием. Автор затрагивает три ключевых темы, которые определяют структуру основной части статьи: школьное богословие в целом и в Санкт-Петербургской духовной академии в частности в период обучения там Ивана Сергиева; отношение святого Иоанна к высшей духовной школе и воспитавшей его академии; богословие святого праведного Иоанна в отношении к богословию воспитавшей его школы. Исследование базируется на комплексе трудов святого Иоанна, включающем ранние работы (выпускная кандидатская диссертация, катехизические беседы), некоторые проповеди (Слова) и дневники.

В результате исследования автор приходит к выводам, которые, с ее точки зрения, подразумевают дискуссионное обсуждение и дальнейшие перспективы изучения. Пример о. Иоанна свидетельствует, что «школьное» богословие способно стать «опытным», и даже дневниковые записки о. Иоанна оказываются не просто практическими пастырскими текстами, а богословием, хотя по форме отличным от академического.

О. Иоанн никогда не пытался пересмотреть и тем более отринуть ни знания, полученные в академии, ни воспитавшую его традицию, как бы он ни относился к ее состоянию на разных этапах. Более того, своими советами и общением с академиями — прежде всего учащимися, будущими пастырями, — о. Иоанн пытался восполнить эту традицию тем, в чем видел ее недостаточность.

Богословские идеи, изученные в академии, о. Иоанн проверял в дальнейшем личным опытом жизни в Церкви. Под влиянием этого полученные богословские знания в чем-то сохранялись, в чем-то уточнялись, в чем-то углублялись, но при этом дефиниции, схемы, структуры, неизбежные в школьном учении, препобеждались. Зерно «школьного» богословия разрушалось внешне, прорастая в новое — «опытное» — богословие, которое что-то наследовало из разрушенного зерна, что-то развивало в новое и более жизненное в смысле *истинной* жизни. И новым критерием *истинности* богословских идей и выводов становится уже жизнь во Христе. Собственно, именно этого и ожидала духовная школа от своих выпускников: полученный набор знаний, заданная система координат определяли четкую

перспективу, которую можно было реализовать только личными усилиями. Таким образом, святой праведный Иоанн Кронштадтский, правильно поняв это, осознал, что заложено в самом понятии духовности школы, какие бы исторические факторы ни привели к появлению этого определения.

Ключевые слова: *святой праведный Иоанн Кронштадтский, Санкт-Петербургская духовная академия, академическое богословие, опытное богословие, православное пастырское служение.*

Цитирование. *Сухова Н. Ю.* Способно ли «школьное» богословие стать опытным? (Святой Иоанн Кронштадтский как выпускник высшей духовной школы) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 283–305. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-283-305

Сведения об авторе. Сухова Наталия Юрьевна — профессор, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права, руководитель Научного центра истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия, г. Москва). *E-mail: suhovanat@gmail.com*

Поступила в редакцию 23.06.2021

Принята к публикации 20.09.2021

«Школьное» богословие, чаще называемое «схоластическим», нередко обличают в отсутствии живой мысли, чувства, дыхания истинной жизни и Духа Святого. Хлесткая фраза протоиерея Георгия Флоровского — «богословие на сваях»¹, — хотя и относилась самим о. Георгием к ситуации конца XVIII в., стало «вневременным» приговором русскому академическому богословию. Богословие молитвенное, созерцательное, богословие духовного опыта и жизни во Христе чаще всего противопоставлялось и противопоставляется «школьному» богословию, служа обличением и оппозицией со стороны живого и спасительного богословия — мертвому и не имеющему никакого отношения к нашему спасению.

В этом поле напряжения личность, жизнь и богословие святого праведного Иоанна Кронштадтского, являющегося одним из ярчайших примеров в русской традиции «опытного» богословия, кажется парадоксом и не может не вызывать удивления и недоуменного вопроса: в чем загадка? Школа не смогла испортить о. Иоанна, и он вопреки «школьной» установке смог уберечь живое чувство веры, стремление не к рациональному знанию, а к жизни во Христе? То есть святой Иоанн не плод высшей духовной школы, а неожиданный и нехарактерный «выброс»? Или все же «школьное» богословие так или иначе содействовало богословскому и духовному росту святого праведного Иоанна?

¹ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. Переизд.: Вильнюс, 1991. С. 114.

Разумеется, вопрос о связи самого святого праведного Иоанна и его богословия с воспитавшей его школой уже ставился исследователями². Но противопоставление «школьного» и «опытного» богословия остается болезненной и обсуждаемой темой, а публикация многотомного дневника о. Иоанна побуждает вновь к ней обратиться.

Основная часть статьи состоит из трех разделов: 1) школьное богословие в целом и в Санкт-Петербургской духовной академии в частности в период обучения там Ивана Сергиева; 2) отношение святого Иоанна к высшей духовной школе и воспитавшей его академии; 3) богословие святого праведного Иоанна в отношении к богословию воспитавшей его школы.

1. Иван Ильич Сергиев учился в СПбДА с 1851 по 1855 гг. — время крайне непростое в истории России, Православной Российской Церкви и духовной школы. Последние годы царствования Николая I часто представляются в историографии в самом мрачном свете. В отношении духовного образования обычно отмечают его настойчивое *опроещение*, стремление направить исключительно на решение утилитарных задач, очистив от живой свободной мысли и научного поиска.

Однако этой мрачной картине можно противопоставить иную. Да, в эти годы предпринимаются настойчивые попытки сделать «школьное» богословие более практическим, деятельным — не в смысле утилитарности, а в смысле близости к реальной церковной жизни и решению ее проблем — приходских, миссионерских. Идут в это время и развитие научно-богословской мысли, определение ее новых областей и соответствующие методологические искания.

Крайние оценки редко бывают справедливыми, но несомненным становится факт: состояние духовной школы и богословской науки этого периода изучено крайне плохо. Лишь опираясь на источники, можно попытаться выделить основные составляющие «школьного богословия» и черты, определявшие его в первой половине 1850-х гг.

В период обучения Ивана Сергиева в духовной академии действовал Устав 1814 г. Хотя учебный план в академиях за 40 лет — к началу 1850-х гг. — существенно изменился, принципиальные черты Устава по-прежнему были актуальны, из них выделим три: широта образования, охватывавшая не толь-

² Сухова Н. Ю. Санкт-Петербургская духовная академия в период обучения в ней святого праведного Иоанна Кронштадтского // Мат-лы XIX Ежегод. богосл. конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: в 2 т. Т. I. М., 2009. С. 357–364; Хондзинский П., прот. Опытное богословие святого праведного Иоанна Кронштадтского // Святой праведный Иоанн Кронштадтский: избранные сочинения, проповеди, материалы. М., 2011. С. 98–136; Катаев Р. Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Санкт-Петербургская духовная академия // Сайт Санкт-Петербургской духовной академии. URL: <https://spbda.ru/publications/roman-kataev-svyatou-pravednyu-ioann-kronshtadtskiy-i-sankt-peterburgskaya-duhovnaya-akademiya/> (дата обращения: 22.06.2021); и др.

ко богословские предметы, но и широкий спектр небогословских предметов, включая математику и физику; «библейзм»; «практическая заостренность» «школьного» богословия.

Первое двухлетнее отделение должно было дать широкое представление о бытии мира (физика и география), выработать логику (математика), научить владеть словом (словесность) и мыслью (философия), снабдить орудиями познания (древние и новые языки). Очевидно, что такая широта или «энциклопедизм» образования, задуманная эрудиция выпускников духовной школы, неизбежно приводила к многопредметности, перегруженности учебного процесса. Но духовно-учебные деятели той эпохи опасались сужения образования, считая, что полнота знания не только о Боге, но и о созданном Им мире необходима служителю церковного просвещения.

Основой всего богословия, богословского размышления, формирования богослова должно быть чтение и толкование Священного Писания: именно оно «есть корень ... всех отраслей Богословских познаний» и критерий истинности всякой богословской мысли и всякого духовного опыта³. Поэтому каждому учащемуся, а далее и выпускнику духовной школы необходимо непосредственное и постоянное чтение самого текста слова Божия — разумеется, с последующим правильным истолкованием. Чтение слова Божия должно было продолжаться на протяжении всех 4-х лет обучения в духовной академии, причем студенты должны были, с одной стороны, иметь научное знание о Писании; с другой стороны, вчитываться в слово Божие, дабы открывать для себя постепенно его «высший и таинственный» смысл⁴.

Более того, на основе школьных документов начала XIX в. можно выявить концепцию тройственного служения «Слову Божию», положенную в основу самого духовного образования:

– духовные школы — училища Истины — посвящены служению Слову Божию — Богу Слову, Сыну Божию, Воплощением Которого определялась сама возможность богословия⁵;

– основа образования в духовных школах — Слово Божие, запечатленное в Священном Писании⁶;

³ *Филарет (Дроздов), архим.* Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 5 т. Т. I. СПб., 1885. С. 124.

⁴ Там же. С. 128–134.

⁵ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. Преамбула. С. 910.

⁶ *Филарет (Дроздов), архим.* Обзорение богословских наук... С. 128–134.

– будущий пастырь должен научиться служить Слову Божию (в обоих смыслах), истолковывая его «для назидания Церкви», используя слово человеческое, дарованное ему по образу слова Божия⁷.

«Практическую заостренность» школьного богословия свт. Филарет Московский — автор итоговых документов упомянутой духовно-учебной реформы — считал главным достижением этой реформы. Богословское образование должно быть не только словесным, но и образованием «ума и сердца»; преподавание в духовных школах «деятельной богословии» — это возможность сделать богословское учение «ближе к употреблению в жизни»⁸. К 1850-м гг. практическая устремленность высшей духовной школы усилилась и к этому времени подразумевала следующие составляющие:

1) воспитание учащимися духовной академии себя как священника «в пастырском благоразумии» и готовность к воспитанию своей будущей паствы в христианском благоразумии¹⁰ (задача нравственного богословия);

2) умение «употреблять слово Божие в поучениях для назидания Церкви»¹¹ (задача гомилетики);

3) готовность организовывать жизнь своей общины и паствы в широком смысле слова в исторических условиях как народа Христова¹² (задача церковного права);

4) понимание собственно пастырских обязанностей (задача пастырского богословия, постепенно выделявшегося из нравственного в течение 1840–50-х гг.);

5) знание богослужения и «церковных предметов» (задача литургики и церковной археологии, на которые разделилось к 1850-м гг. «учение о церковных древностях»);

6) хорошее знание святоотеческого наследия (задача введенного в академиях в 1841 г. специального предмета — патристики);

7) готовность к миссионерской деятельности (задача «полемики против русского раскола» — дисциплины, оформившейся в 1850-х гг. и возбудившей в академиях миссионерскую настроенность в целом);

8) обладание методами и приемами для обучения паствы (задача педагогики, появившейся также в 1850-х гг.).

Среди прочих изменений, произошедших в высшей духовной школе к середине XIX в., следует выделить еще два:

⁷ Филарет (Дроздов), архим. Обозрение богословских наук... С. 145.

⁸ Там же. С. 123.

⁹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского... Т. II. СПб., С. 218.

¹⁰ Филарет (Дроздов), архим. Обозрение богословских наук... С. 143.

¹¹ Там же. С. 145.

¹² Там же. С. 146–149.

- переход в преподавании на русский язык, сделавший духовную школу ближе к русскоязычному приходу, но потребовавший отработки соответствующей терминологии и составления догматических систем на русском языке;
- повышение внимания к Священному Преданию — и соответствующее появление в учебном процессе патристики (1841 г.).

Несколько слов следует сказать о преподавателях СПбДА, у которых учился Иван Сергиев.

Священное Писание читал Моисей Александрович Голубев; по его статьям можно выделить темы и опорные моменты, на которые он обращал особое внимание студентов: исполнение Ветхого Завета в Новом, то есть «предуказания новозаветных событий ветхозаветными авторами»; нравственное и «таинственное» понимание Писания¹³.

Догматическое богословие преподавал уже знаменитый к тому времени преосвященный Макарий (Булгаков), бывший и ректором академии (1850–1857). Среди трех русскоязычных «великих догматик» середины XIX в. одна принадлежала преосвященному Макарию (Булгакову), и ее публикация была завершена как раз к моменту перехода курса Ивана Сергиева в старшее — богословское — отделение¹⁴. После известной грубой фразы А. С. Хомякова — «Макарий провонял схоластикой»¹⁵ — этот взгляд был в определенном смысле закреплен протоиереем Георгием Флоровским, считавшим «Догматику» преосвященного Макария «типическим продуктом Николаевской эпохи», «устарелой уже при самом ее появлении в свет», диссонирующей с аскетическими понятиями и традициями духовной жизни¹⁶. Но этот труд задумывался и составлялся как школьный учебник, особенно важный в связи с переходом в 1840-х гг. «школьного» богословия на русский язык; автор ставил перед собой задачу заложить основу догматического сознания будущего пастыря и богослова, дать «систему координат», а не замену жизненного богословия и духовной жизни. Можно вспомнить и иные оценки этого труда: и не только известный и очень похвальный отзыв свт. Иннокентия (Борисова)¹⁷, но и трезвую оценку места и значения «Догматики» в истории русского богословия, данную Н. Н. Глубоковским: «...подводился итог всему предшествующему развитию и создавалась фактиче-

¹³ [Голубев М. А.] Новозаветные события, предуказанные в истории пророка Ионы // Христианское чтение. 1853. Ч. 2. С. 229–239; [Его же]. О христианской любви к ближним: Изъяснение 13-й гл. 1-го послания св. ап. Павла к Коринфянам // Христианское чтение. 1856. Ч. 2. С. 91–132 и др.

¹⁴ Макарий (Булгаков), еп. Православно-догматическое богословие: в 5 т. СПб., 1849–1853.

¹⁵ Цит. по: Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Т. 1, кн. 1. Киев, 1902. С. 973.

¹⁶ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. Переизд.: Вильнюс, 1991. С. 221–223.

¹⁷ Иннокентий (Борисов), архиеп. Разбор сочинения доктора богослова, епископа Макария, под заглавием «Православно-догматическое богословие» // Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие: в 2 т. Т. I. М., 1999. С. VI–XII.

ская возможность для дальнейшего движения по новым путям»¹⁸. Отношение о. Иоанна к идеям преосвященного Макария будет указано ниже.

Следует вспомнить тех, кто преимущественно занимался воспитанием студентов академии — инспекторов тех лет: известного канониста архимандрита Иоанна (Соколова) и архимандрита Кирилла (Наумова). В концепции Устава 1814 г. воспитание в «вертограде наук духовном», как называли в те годы духовные академии, предполагало формирование у «юношества, Церкви посвященном», особых черт: представители духовного сословия по рождению должны были стать *духовным* сословием по образу жизни и служения.

Архимандрита Кирилла следует вспомнить еще и как преподавателя пастырского богословия, положившего свои лекции в основу учебника¹⁹. Терминология и структура этого учебника вполне соответствует своему времени: автор говорит о «систематическом изложении нравственных обязанностей пастыря Церкви»²⁰, текст жестко структурирован. Однако «библейзм» и церковно-практический настрой школы тех лет позволяет увидеть за всей этой «школьной амуницией» служителя Слова Божия, которого и стремилась воспитать школа.

Гомилетику преподавал Кирилл Иванович Лучицкий, старавшийся привить студентам любовь к слову как таковому, данному человеку по образу слова Божия, и познакомить их с богатством слов, речей и гомилий, накопленных Церковью. А так как именно в это время корпорация СПбДА переводила на русский язык труды святителя Иоанна Златоуста, великий мастер слова Древней Церкви становился для учащихся и учащихся очень близким. Это особенно важно, ибо свт. Иоанн занял особое место в жизни и богословии о. Иоанна. Да и в целом настойчивое стремление начальствующих и учащихся приучить студентов постоянно обращаться к святоотеческому наследию в отношении о. Иоанна дало свои результаты, о чем с благодарностью вспоминал он в последующие годы.

Годы академического обучения Ивана Сергиева совпали с активным развитием литургики и церковной археологии, которые в СПбДА преподавал Василий Иванович Долоцкий. И хотя официальная учебная программа была составлена традиционно для первых десятилетий XIX в. — главным образом по Бингаму, статьи В. И. Долоцкого, публиковавшиеся в «Христианском чтении», позволяют выявить ключевые моменты, на которые обращалось внимание студентов²¹. Но

¹⁸ Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 7.

¹⁹ Кирилл (Наумов), архим. Пастырское богословие. СПб., 1853.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ «О христианских храмах», «О священных одеждах», «О священных сосудах», «О богослужебных книгах», «О чтении Священного Писания при богослужении», «О службах Месячной Миней», «Об освящении храмов», «Об обрядах при совершении таинств и при погребении», «О чине оглашения в Древней Церкви», «О святой Великой Субботе», «О празднике Рождества Христова» и др.

литургикой и церковной археологией в СПбДА в это время занимался не только В. И. Долоцкий: в «Христианском чтении» заметно возросло число статей, связанных с богослужебными книгами, молитвами, литургической жизнью. Все это повышало внимание студентов и к академической богослужебной практике.

Еще одним важным событием в учебном процессе тех лет стало введение в академиях учения о русском расколе, возложенное в СПбДА на иеромонаха Никанора (Бровковича). Но изучением раскола в эти годы занимались многие члены корпорации: сам преосвященный ректор в 1855 г. напечатал одно из первых пособий по истории русского раскола²². Реальные источники и проблемы, очень привлекательные для исследования, еще более — романтическая перспектива непосредственного апостольского благовестия притягивали студентов. Этот порыв поддерживал не только молодой преподаватель, но и преосвященный Макарий, и с его благословения был организован миссионерский кружок, объединивший ревнителей миссии. Иван Сергиев входил в их число, даже для выпускного сочинения он выбрал тему «О Кресте Христовом в обличении мнимых старообрядцев», желая по окончании академии принять монашество и отправиться в миссию. Про кандидатскую диссертацию о. Иоанна будет сказано подробнее ниже.

В 1851 г., в год поступления Ивана Сергиева в академию, была предпринята кампания по введению в академиях педагогики. И, хотя педагогика тогда не завоевала место в учебном плане, активные обсуждения специфики «пастырской педагогики», ее связи с пастырским учительством волновали и студентов²³. Иван Сергиев, видимо, был увлечен преподавательским поприщем: потом он напишет в дневнике, что мечтал делиться своими знаниями и наблюдениями в церкви, и Господь даровал ему поприще катехизатора²⁴.

2. Святой праведный Иоанн всегда с благодарностью и даже преклонением относился к школе, которая его вырастила, причем не только и даже не столько к семинарии — средней школе, а именно к высшей, к академии. Как и всё в жизни о. Иоанна, его образование ассоциировалось с библейскими событиями: «Как Аврааму, — если не высоко будет так сказать, Бог повелел мне еще в молодости оставить дом, родителей и отечество и идти в землю или в место, которое Он Сам мне показал. Это — Петербург и Духовная академия»²⁵. Следует заметить, что в эпоху о. Иоанна для священнического служения достаточно

²² Макарий (Булгаков), еп. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.

²³ Об это см. подробнее: Сухова Н. Ю. К вопросу о педагогической подготовке выпускников высшей духовной школы в контексте реформ XVIII–XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 3 (6). С. 70–91.

²⁴ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Дневник (далее: Дневник). Т. 2: 1857–1858. Тверь, 2005. С. 467–468.

²⁵ Там же. С. 443–444.

было семинарского диплома, поэтому высшее духовное образование являлось «сверхдолжным» для приходского пастыря. В своем дневнике о. Иоанн пытался осмыслить значение академического образования в своей жизни: «В самом деле, чем я был бы, если бы по окончании семинарского курса поступил священником в село? Едва ли бы далеко был от состояния болвана: все доброе во мне заглохло бы и пропало. Но теперь Господь дал мне случай и побуждение развиваться во мне всему доброму»²⁶.

О. Иоанн связывал с полученным духовным образованием и возможность духовного возрастания: «Обильно открыл Ты мне, Господи, истину Твою и правду Твою. Чрез образование меня науками открыл Ты мне все богатство веры и природы и разума человеческого, ... отчасти познал я великую науку самопознания и приближения к Тебе»²⁷. Более того, успешность в познании наук ассоциируется у о. Иоанна — по крайней мере, в его снах — с эсхатологическими свершениями: «Видел я сон, что и в математике не готов, а переведен в философский класс Академии; как буду отвечать, когда не знаю и предыдущего курса... Это означает, что я не готов по жизни и делам и ответа на Страшном Суде не могу дать»²⁸.

Неоднократно в своих дневниках о. Иоанн с благодарностью поминал указанных выше наставников: преосвященных Макария, Иоанна, Кирилла и профессоров-мирян. Но при этом о. Иоанну был дорог именно тот порядок академии, в котором воспитывался он — к академиям после преобразования, проведенного в 1869 г., отношение о. Иоанна меняется. Основные черты этой реформы — «специализация», сменившая богословский и не только богословский «энциклопедизм», и «критические исследования», сменившие «духовные рассуждения», казались о. Иоанну не только бесполезными, но и явно вредными. Он очень ценил широту образования, которое получил он сам, причем не только богословскую, считая большим вредом «заточку» только на какой-то конкретной области. О. Иоанну казалось очень опасным и то, что во главе академий встало на какое-то время белое духовенство вместо монашества (в 1860–1870-х гг. ректорами 3-х из 4-х академий были протоиереи): «Реформа духовных учебных заведений, особенно высших Академий, довела до горьких крайностей — до вольнодумства, деморализации (безнравственность). Никто в монахи не идет, смеются над монашеством, олютеранились совсем. ... Худые времена!»²⁹. Часто о. Иоанн с большим опасением писал о перспективах «критического направления» науки: «В нынешних учебных заведениях, не только светских, но даже отчасти и в духовных, особенно в высших, мудрость человеческая подавляет мудрость Божественную, — та мудрость, которая пред Бо-

²⁶ Дневник. Т. 2: 1857–1858. С. 443–444.

²⁷ Моя жизнь во Христе: Дневник отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1893. С. 61.

²⁸ Дневник. Т. 17: 1872–1873. Тверь, 2009. С. 487–488.

²⁹ Дневник. Т. 18: 1873–1874. Тверь, 2010. С. 303.

гом есть глупость... Оттого мало, очень мало веры и христианского благочестия в этих заведениях; юношество с пренебрежением относится к молитве, обрядам и постановлениям Церкви, чуждается Церкви»³⁰. Он молился, чтобы возвратился любезный его сердцу «строй академического образования, святотатственно разрушенный современными умниками и ревнителями не по разуму»³¹.

Еще более болезненно оценивал о. Иоанн популярные в 1870-х гг. идеи учреждения вместо духовных академий университетских богословских факультетов или соединения академий с университетами: «Хотели еще уничтожить духовные семинарии и академии. Что тогда было бы? Тогда мудрость мира сего совсем подавила бы мудрость Божию, Евангелие Царствия Божия, мудрость языческая стала бы царить в стране христианского православия. Упаси, Боже!»³².

Встает вопрос: изменилось ли отношение о. Иоанна к академиям после новой реформы 1884 г., когда специализация была отменена, а усилия были направлены на «воцерковление» академий? Однозначную оценку дать сложно. С одной стороны, связь о. Иоанна с академиями не терялась, а даже усилилась: если в 1870-х гг. он был связан только с родной СПбДА, то начиная с 1890-х гг., приобретя славу «всероссийского пастыря» и предпринимая частые путешествия по России, он не обходил вниманием и остальные три академии. Так, известны его неоднократные посещения МДА, трижды он посещал КДА, и, как минимум, трижды — КазДА. Родную же СПбДА о. Иоанн посещал ежегодно и неоднократно в течение года, иногда присутствовал на вступительных или выпускных экзаменах, даже на защитах диссертаций³³. Определенный эффект эти встречи имели: так, при посещении о. Иоанном МДА в январе 1895 г. было заметно не только «отрадное выражение высокого молитвенного настроения» студентов, но приобщение 27 студентов за Божественной литургией Святых Христовых Таин³⁴. Для синодального периода с традиционным причащением 1–2 раза в год это было в самом деле поразительной евхаристической активностью. Будучи избранным почетным членом родной СПбДА, МДА, КДА, о. Иоанн щедро жертвовал им деньги. Приведем лишь один показательный пример: в октябре 1893 г. о. Иоанн был избран почетным членом МДА³⁵, и за год пожертвовал только этой академии 900 руб.: 800 — на студентов и 100 —

³⁰ Дневник. Т. 16: 1871–1872. Тверь, 2008. С. 54.

³¹ Дневник. Т. 17: 1872–1873. С. 27.

³² Дневник. Т. 16: 1871–1872. С. 54.

³³ Дневник. Т. 19: 1874–1876. Тверь, 2011. С. 302

³⁴ Соколов В. А. Посещение Московской духовной академии отцом Иоанном Кронштадтским // Богословский вестник. 1895. Т. I, № 2. С. 279–289 (отд. оттиск: М., 1895). См. также: Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 1: 1880–1901. М., 2006. С. 292.

³⁵ Письмо в Совет Московской духовной академии от 25 октября 1893 г. // Иоанн Кронштадтский, прав. Творения. Письма разных лет. Т. 1: 1859–1901. М., 2011. С. 219.

на выпускников³⁶. И в дальнейшем практически ежегодно о. Иоанн жертвовал академиям по 100, 200, 300 и более руб.³⁷ Всем обращающимся к нему учащим и учащимся академий не отказывал в совете.

Однако, с другой стороны, в письмах и дневниках о. Иоанна неоднократно можно встретить укоры ученым богословам: например, что они плохо оберегают читающую публику от инославного влияния, действующего через публикацию противоречащих православию трудов — например знаменитой «Жизни Иисуса Христа» Ф. Фаррара и пр.³⁸ Критические оценки усиливаются к началу XX в.: «Где будут на Страшном Суде наши начальники и профессеры Академий, Университетов и всех высших, средних и низших заведений со своими питомцами? — По достоинству своего духа или недостойнству каждый получит свое»³⁹.

Хорошо известно негативное отношение святого праведного Иоанна к митрополиту Антонию (Вадковскому) и протопресвитеру Иоанну Янышеву: «Господи, убери М[итрополита] Антония, J. Janitcheva и прочих неверных людей! Пошли твердых в вере и благочестии»⁴⁰. Разумеется, это отношение связано с событиями и процессами начала XX в. Однако нельзя не вспомнить, что протопресвитер Иоанн был ректором СПбДА в 1866–1883 гг. и стал главным идеологом реформы 1869 г., перенесшей на российские духовные академии модели «университета исследования». Это событие, с точки зрения святого Иоанна, начало развал старой академии, столь любезной его сердцу.

3. Труды о. Иоанна — по крайней мере, опубликованные, можно разделить на две группы: ранние — выпускная кандидатская работа «О Кресте Христовом» (1855) и читавшиеся вскоре после выпуска «Катехизические беседы» (1859) — и все остальные, которые представлены словами, дневниками, письмами, а также сборниками, составленными на основе дневников («Моя жизнь во Христе», «Христианская философия» и др.).

Кандидатская диссертация, хотя писалась по теме, предложенной «расколоведом» иеромонахом Никанором (Бровковичем), представляла археологическое исследование, предпринятое с апологетической целью⁴¹. Основная часть предварялась Введением, в котором, кроме обычных для школьной традиции

³⁶ Посещение Московской духовной академии отцом Иоанном Кронштадтским... С. 283.

³⁷ Письмо в Совет Московской духовной академии от 25 октября 1893 г. // *Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Письма разных лет. Т. 1: 1859–1901. М., 2011. С. 328 и др.

³⁸ Там же. С. 294–296.

³⁹ *Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Предсмертный дневник 1908 года: май — ноябрь. М., 2006. С. 86–87.

⁴⁰ Там же. С. 70.

⁴¹ Первое издание: *Сергиев И., прот.* О Кресте Христовом (против раскольников). СПб., 1896. Цит. по: *Иоанн Кронштадтский, прав.* О Кресте Христовом (против раскольников) // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. М., 2005. С. 3–80.

элементов (предмет исследования, логика работы), есть еще один раздел: о прообразовании Святого Креста в Ветхом Завете. Этот, пусть и небольшой, раздел вводил в работу и экзегетический элемент, причем по чрезвычайно важной теме — связь новозаветного образа и ветхозаветного прообраза⁴². Основная часть диссертации разделялась на 7 глав, 4 из которых были никак не связаны с русским расколом, а посвящены исключительно предыстории: «Кресту Распятия» и крестам, сохранившимся от первых 10-ти веков христианства; последние же три главы были нацелены собственно на полемику со старообрядцами: кресты в памятниках русской старины XI–XVIII вв.; кресты из «старописных и старопечатных до Никона книг» и крестное знамение как постоянный «памятник истинной формы Святого Креста». Хотя кандидатская диссертация в целом отвечала «школьному канону», в ней можно выделить два момента, важных для автора: значение креста в жизни христианина и убежденность автора в правоте Святой Церкви, недопустимость посягать на ее единство.

Еще более показательны «Катехизические беседы», проводившиеся о. Иоанном начиная с 1857 г. и опубликованные в 1859 г. Их структура вполне школьная, как уже замечали исследователи, и в целом соответствует структуре «догматики» преосвященного Макария — по крайней мере, имеет ее в виду⁴³. «Православно-догматическое богословие» разделяется на две главные части: 1) на учение о Боге в Самом Себе и общем отношении Его к миру и, в частности, к человеку; 2) учение о Боге, как Искупителе человеков⁴⁴. Беседы о. Иоанна включают учение о Боге в Самом Себе; о Боге как Творце мира, включая блаженное состояние и падение первых людей и беседу о первородном грехе; о Боге как Промыслителе мира, включая особое промышление о человеке — подготовке Искупления, явление Бога во плоти⁴⁵. Разумеется, учебник догматического богословия для высшей духовной школы и катехизические беседы для народа — жанры разные, поэтому труд о. Иоанна отличается простотой, доступностью, нравственными замечаниями, пастырскими призывами, отсутствием обширных «макарьевских подвалов» с цитатами и ссылками. Но структурное сходство подтверждает, что о. Иоанн не только не чурался полученных школьных знаний, но напротив, опирался на них — по крайней мере, на первых шагах своего служения. На это же указывают вкрапления из статей профессора Моисея Александровича Голубева — в тех местах, где о. Иоанн старался показать своим слушателям поразительное исполнение пророчеств Ветхого Завета в Новом⁴⁶.

⁴² *Иоанн Кронштадтский, прав.* О Кресте Христовом... С. 5–9.

⁴³ *Хондзинский П., прот.* Опытное богословие святого праведного Иоанна Кронштадтского // Святой праведный Иоанн Кронштадтский: избранные сочинения, проповеди, материалы. М., 2011. С. 102.

⁴⁴ *Макарий (Булгаков), еп.* Православно-догматическое богословие: в 2 т. СПб., 1883. Т. 1. С. 28.

⁴⁵ *Сергиев И., свящ.* Катехизические беседы. Кронштадт, 1859.

⁴⁶ Катехизические беседы... С. 157–165 и др.

Отметим еще одну интересную деталь, на которую уже обращали внимание при изучении наследия святого Иоанна⁴⁷. Как в ранних «Катехизических беседах», так и в более поздних словах — на Великий Пяток, Воздвижение Креста, Крещение и Вознесение Господне — о. Иоанн придерживался и взглядов преосвященного Макария (Булгакова) на Искупление — а следует помнить, что последний считается наиболее ярким в русской традиции представителем так называемой «юридической теории Искупления», настойчиво критикуемой в конце XIX — начале XX в. Эти взгляды характерны и для более поздних Слов о. Иоанна: «Представьте, вообразите, что было бы с нами, если бы за наши грехи не пострадал и не удовлетворил *правде Божией* едиnorodный Сын Божий, и если бы Бог оставил нас на веки Своей благодатью?»⁴⁸; «Сын Божий принял на Себя вместо меня и вместо тебя *ужасы правосудия вечного, наказания вечного, предлежавшего мне и тебе, испил чашу праведного гнева и ярости Бога Вседержителя*, которую надлежало бы пить мне и тебе»⁴⁹; «[Сын Божий. — Н. С.] пришел взять на Себя все неправды и нечистоты человеческие, не оскверняясь ими, чтобы *заплатить, удовлетворить за них правосудию Отца... небесного*»⁵⁰ и др. Более тонкое вписывание текстов о. Иоанна в поле критики и защиты «юридической» теории Искупления может быть особой темой исследования, но представляется, что в данном случае это не так важно: очевидно, что о. Иоанн опирается на знания, услышанные им в академии от преосвященного Макария.

Однако уже в «Катехизических беседах» есть у о. Иоанна и особенности, из которых отметим три. Во-первых, о. Иоанн ссылается на литургические тексты — например, на Троицны Постной Троицы, каноны, молитвы из чина водосвящения. Это не характерно для преосвященного Макария, который не считал литургические тексты *догматическими*. Но для о. Иоанна на первых порах литургические тексты — важный источник для правильной веры, и здесь тоже можно — хотя бы отчасти — иметь в виду влияние «литургического подъема» времени обучения о. Иоанна в академии. В дальнейшем важность литургических текстов для о. Иоанна только усилится — так, об этом много пишет он в своих в дневниках: «Какая широкая любовь заключается в молитвах, ектениях церковных на вечерне, утрени и литургии! Она объемлет весь мир вообще и каждого человека в особенности, по имени!»⁵¹.

⁴⁷ Хондзинский П., прот. Опытное богословие святого праведного Иоанна Кронштадтского... С. 109 и далее.

⁴⁸ Слово во Святой и Великий Пяток // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/polnyj-godovoj-krug-slov-pouchenij-i-besed/#0_6 (дата обращения: 18.06.2021).

⁴⁹ Поучение перед Плащаницей в Великий Пяток (Там же).

⁵⁰ Слово на Крещение Господне 6 января 1898 г. (Там же).

⁵¹ Дневник. Т. 15: 1870–1871. Тверь, 2006. С. 512.

Во-вторых, о. Иоанн опирается на опыт — молитвенный, опыт борьбы с грехом, с помыслами, просто опыт самонаблюдения. Например: «...кроме Св. Писания, в бытии злых духов уверяет нас и опыт. Люди, наблюдающие за самими собою, — за состоянием своей духовной жизни...» — и далее довольно обширное размышление о «нечистых помыслах» и «желаниях страстных», посылаемых «духами злобы поднебесной»⁵².

В-третьих, излагая раздел о Боге как Творце, о. Иоанн уделяет большое внимание Шестодневу — сотворению видимого мира (Беседы 8–12)⁵³. Можно сказать, что эта часть его бесед пополняет жанр шестодневов, начиная со знаменитых «Бесед на Шестоднев» свт. Василия Великого. Причем в беседах о. Иоанн призывает своих слушателей, опираясь на личный опыт познания мира, возносить мысль горé: «Весьма светло солнце, братия, так, что светлее его мы ничего не видали и всю землю разом видит оно. Но очи Господни тмами тем крат светлее солнца суть, и видят разом всю Вселенную, все сокровенное и тайное в людях»⁵⁴; «При виде облаков мы можем вспоминать о том времени, когда Господь во тьмах святых ангел Своих пришлет опять на нашу темную землю для страшного суда над родом человеческим...»⁵⁵.

Сам о. Иоанн писал в эти годы в дневнике о важности для него познания мира, созданного Творцом, и желании обратить на это внимание своей паствы: «Учась в Академии, я любил наслаждаться созерцанием чудного порядка в мире и его красоты и от души желал, чтобы Бог привел меня когда-нибудь разделить это чистое, возвышенное удовольствие с другими людьми, именно — побеседовать о творении в Церкви... И что же? Через год с небольшим я назначен катехизатором, и ... должен был говорить именно о творении»⁵⁶. Но еще более ясно о. Иоанн говорит в начале «Катехизических бесед»: он указывает на «тайну человека» и «бесчисленное множество тайн ... в окружающей нас природе», которые помогают постижению «тайн небесных», и особенно «высочайшей тайны триипостасного Божества»⁵⁷. Таким образом, тайна творения свидетельствует о тайне Творца.

Разумеется, выделенные особенности отчасти определяются жанром живых катехизических бесед, но, как представляется, в этом просматривается начало и всего «опытного» богословия о. Иоанна. В нем несколько меняется «школьная» логика преосвященного Макария: если последний идет от общего теоретического к частному, то о. Иоанн начинает выстраивать логику от частного, опытного

⁵² Катехизические беседы... С. 44–46.

⁵³ Там же. С. 51–105.

⁵⁴ Там же. С. 73–74.

⁵⁵ Там же. С. 64.

⁵⁶ Дневник. Т. 2. С. 467–468.

⁵⁷ Катехизические беседы... С. 4–5.

познания человека и мира — к общему, Творцу. В целом эта же структура определила и последний фундаментальный труд о. Иоанна «Христианская философия», который уже разбирался подробно протоиереем Павлом Хондзинским⁵⁸.

Обратимся теперь к дневникам о. Иоанна. В отличие от начальных трудов они представляют собой записи, не имеющие четкой структуры, часто не связанные непосредственно между собой, имеющие много повторов.

Первое, что трудно не заметить, это постоянное обращение о. Иоанна к Священному Писанию, слову Божию, которое «переживет все века и будет всегда живо и действенно»⁵⁹: «...читаю больше Слово Божие, утешающее и улаждающее»⁶⁰. О. Иоанн вообще не может существовать вне Писания: «Когда не слышу или не читаю слова Божия, тогда я самый жалкий человек, без покоя, без простора и отрады в сердце, тогда для меня все в мире — ничто»⁶¹.

Обращение к Священному Писанию вполне естественно для любого верующего человека, тем более пастыря. Но в богословии св. Иоанна заметен «школьный» импульс начала XIX в., о котором было сказано выше. С одной стороны, опираясь на свой личный опыт, он призывает постоянно читать Писание и разумевать его смысл, имея это «отправной точкой» для богословских размышлений: «Надо больше читать слово Божие, ... размышлять о Боге, о творении, о назначении и предопределении человека, о промысле, об искуплении, о неизреченной любви Божией к роду человеческому, о жизни и подвигах святых Божиих человек, разными добродетелями угодивших Богу и проч.»⁶². С другой стороны, о. Иоанн постоянно поверяет конкретными местами слова Божия подлинность и своих духовных размышлений, и личного духовного опыта: «...об этом свидетельствует и Священное Писание...»⁶³; «...и Св. Писание и опыт удостоверяют, что для приближения к Богу надо пострадать грешнику, слезить и плакаться и исправить двоедушное сердце свое»⁶⁴; «истину Слова Божия испытываем ежедневно во внутренней жизни своей»⁶⁵.

Можно выявить в записях о. Иоанна и «школьную» концепцию тройственного служения слову Божию; о. Иоанн очень часто выстраивает эту цепочку:

– «виновник всякого слова есть *Бог Слово*, Сам Бог наш, в Троице покланяемый;

⁵⁸ См.: Хондзинский П., прот. Опытное богословие святого праведного Иоанна Кронштадтского... С. 98–136.

⁵⁹ Моя жизнь во Христе... С. 63.

⁶⁰ Письмо к Е. К. Сергеевой от 30 июня 1908 г. // Иоанн Кронштадтский, прав. Творения. Письма разных лет. Т. 2: 1902–1908. М., 2011. С. 335.

⁶¹ Дневник. Т. 19. С. 187.

⁶² Моя жизнь во Христе... С. 355–356.

⁶³ Там же. С. 103.

⁶⁴ Там же. С. 90.

⁶⁵ Дневник. Т. 16. С. 273.

– ипостасное Слово Божие — Сын Божий — всегда соединен со Отцом и Духом Святым в ...слове Священного Писания;

– так и в *человеческом слове* — «в молитве, или в писаниях богомудрых отцов участвует по Своему вездесущию Отец, как верховный Разум, творческое Его Слово и Совершитель Дух Святый»⁶⁶.

Связь слова человеческого — слова Писания — Слова Сына Божия очень важна для о. Иоанна, и он всегда благодарит Бога, «даровавшего мне слово пред Святой Плащаницей и дар сказать его искренно, твердо, сильно»⁶⁷; призывает «глубоко ценить слово, этот образ творческого Ипостасного Слова, явление мысли и покоище духа»⁶⁸.

Дневники свидетельствуют, сколь важным оказалось для о. Иоанна «открытие» в академические годы святых отцов. Постоянное чтение святоотеческих трудов за годы академической учебы стало не только привычкой, но жизненным руководством: «...я молюсь, например, на литургии небесными молитвами духоносных апостолов, небоявленного Василия Великого, Иоанна Златоустого... О, Боже мой! На какую высоту святости и духовного созерцания должен я стать в эти часы, в которые я совершаю литургию!»⁶⁹. О. Иоанн часто писал в дневниках о важности *постоянного* чтения трудов святых отцов — прежде всего святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, преподобных Ефрема и Исаака Сирина⁷⁰. Святитель же Иоанн Златоуст стал для о. Иоанна важным жизненным ориентиром: первая книга, приобретенная им в академии на заработанные письмовождением деньги, была Беседами святого Златоуста на Евангелие от Матфея⁷¹. В дальнейшем, служа у престола Божия, о. Иоанн словами святого Златоуста молился ежедневно за литургией, вдохновлялся его проповедями, воздавал славу, «как молитвеннику нашему теплому о нас пред Тобою [Богом. — Н. С.]»⁷². Как неоднократно замечалось в историографии, в трудах — в том числе, в дневниках о. Иоанна — нет свидетельств о том, что у него был духовник. Как писал митрополит Вениамин (Федченков), святитель Иоанн Златоуст стал для о. Иоанна «духовным руководителем», наставником, «старцем» на всю жизнь⁷³.

⁶⁶ Моя жизнь во Христе. С. 534–535 и др.

⁶⁷ Дневник. Т. 19. С. 147.

⁶⁸ Дневник. Т. 4: 1860–1861. Тверь, 2006. С. 324.

⁶⁹ Дневник. Т. 18. С. 100.

⁷⁰ Дневник. Т. 19. С. 94; Моя жизнь во Христе... С. 48, 100 и др.

⁷¹ Орнатский И., прот. Кончина и погребение отца Иоанна Кронштадтского // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 2004. С. 657.

⁷² Дневник. Т. 17: 1872–1873. Тверь, 2009. С. 511; Вениамин (Федченков), митр. О. Иоанн Кронштадтский. М., 2005. С. 68.

⁷³ Вениамин (Федченков), митр. О. Иоанн Кронштадтский. С. 27, 241.

Однако важен ход размышлений или метод богословствования о. Иоанна, насколько его можно реконструировать по дневнику. Проиллюстрируем это примером учения о. Иоанна о Церкви, ибо это одна из важнейших тем для Кронштадтского пастыря: как писал преосвященный Вениамин (Федченков), о. Иоанна «воспитала Церковь»⁷⁴.

О. Иоанн и в этом случае исходит из *опыта* — наблюдения за своей душой, ее чувствованиями и стремлениями: «Ваша душа ищет истинной жизни, сродной себе пищи, пищи уму — истины, сердцу — покоя и блаженства, воле — нормального направления или законности»;

указывает *практическое* решение проблемы: «...идите в церковь: она всем этим обладает преизобильно»;

затем обосновывает это *теоретическим знанием*, основанным на Священном Писании: «Она [Церковь. — Н. С.] “столп и утверждение истины”» (1 Тим 3. 15);

наконец, разворачивает это обоснование, вписывая утверждение в общую *сотериологическую перспективу* домостроительства Божия: «...потому что в Ней [Церкви. — Н. С.] слово Божие, показывающее начало всех вещей, начало человеческого рода, сотворение человека по образу и подобию Божию, падение его, восстановление его чрез Спасителя человеков, средства ко спасению, веру, надежду и любовь»⁷⁵.

Неизбежно встает вопрос: является ли представление о. Иоанна о Церкви исключительно духовно-опытным или все же для него важен и земной аспект бытия Церкви? Другие фрагменты дневника позволяют выявить понимание о. Иоанном устройства Церкви в исторических условиях. Так же отталкиваясь от опыта жизни в Церкви, о. Иоанн приходит к заключению: «Господь сказал о Церкви Своей: “созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее” (Мф 16. 18). Это сказано как о *пастырях* Церкви, или *иерархии* церковной, и о всех истинно верующих, так и о всех *таинствах*, о всех *догматах*, *заповедях* св. православной веры, и о всех *чинопоследованиях таинств*, напр., литургии, священства, брака, крещения, миропомазания, елеосвящения, которые установлены на все века и прошли уже многие столетия и тысячелетия неизменно. Вот как тверда Церковь, основанная Господом! [курсив мой. — Н. С.]»⁷⁶.

Как это соотносится со «школьным» учением о Церкви, которое преподавалось о. Иоанну? Сравнимая мысли о. Иоанна с экклезиологическим разделом «Православно-догматического богословия» преосвященного Макария (Булгакова), для которого понятие Церкви тоже было определяющим (разумеется, в своем роде), можно сделать двойной вывод. С одной стороны, о. Иоанн всю жизнь имел в виду труды своего преподавателя догматического богословия:

⁷⁴ Вениамин (Федченков), митр. О. Иоанн Кронштадтский. С. 27, 241.

⁷⁵ Моя жизнь во Христе... С. 474–475.

⁷⁶ Там же. С. 430–431.

в словах о. Иоанна о земном бытии Церкви можно даже проследить разделы «Догматики» преосвященного Макария. С другой стороны, логика о. Иоанна и в этом случае направлена противоположно: если преосвященный Макарий идет от теоретического понятия о Церкви к реализации его в процессе освящения человека Божьей благодатью, то о. Иоанн в дневниках идет от опыта освящаемого человека к осознанию, что есть Церковь.

История христианства предлагает нам два варианта структур богословского знания:

– теоретико-описательный: от богословия в тесном смысле слова (о Боге в Самом Себе) — к домостроительству Божию — к Искуплению человеческого рода и спасительному пути, который должен пройти человек;

– практико-подвижнический: от очищения человека (аскетика) — к постижению тварного мира (физика) — к собственно богословию (созерцанию Божества).

«Школьное» богословие преосвященного Макария, как и большинство школьных систем, твердо следует первым путем. О. Иоанн идет преимущественно практико-подвижническим путем. Однако, имея полученное в духовной школе теоретическое знание, о. Иоанн, восходя от личного очищения к постижению тварного мира и далее к созерцанию Бога, проверяет априорно полученные знания личным опытом.

* * *

Проблема статьи вряд ли может иметь какое-то однозначное решение — по крайней мере, на данном этапе: слишком непросты во всех отношениях и церковное служение, и духовная жизнь, и богословствование святого праведного Иоанна.

Поэтому все выводы подразумевают дискуссионное обсуждение, уточнение, коррективы и — главное — перспективы изучения.

1. Основной вопрос — может ли «школьное» богословие стать «опытным» — допускает краткий ответ: да, может, пример о. Иоанна — свидетельство тому. Но главный смысл ответа в том, что записки о. Иоанна можно считать богословием, а не просто практическими пастырскими текстами. При этом «школьное» богословие послужило на каком-то этапе опорой для «опытного» богословия, позволяя открыть «все богатство веры и природы и разума человеческого», вчитаться во всей полноте смыслов в слово Божие, открыть богатство святоотеческого наследия, в какой-то степени изучить законы ума человеческого и его любомудрие, строение и красоту речи...; отчасти познать великую науку самопознания и приближения к Богу»⁷⁷.

⁷⁷ Моя жизнь во Христе... С. 61.

2. О. Иоанн никогда не пытался пересмотреть и тем более отринуть знания, полученные в академии; никогда ни на словах, ни на деле он не отрекался от воспитавшей его традиции, как бы он ни относился к ее состоянию на разных этапах. Более того, своими советами и общением с академиями — прежде всего учащимися, будущими пастырями, — о. Иоанн пытался восполнить эту традицию тем, в чем видел ее недостаточность.

3. Богословские идеи, изученные в академии, о. Иоанн проверял в дальнейшем личным опытом жизни в Церкви. Под влиянием этого опыта полученные богословские знания в чем-то сохранялись, в чем-то уточнялись, в чем-то углублялись, но при этом дефиниции, схемы, структуры, неизбежные в школьном учении, препобеждались. Зерно «школьного» богословия разрушалось внешне, прорастая в новое — «опытное» — богословие, которое что-то наследовало из разрушенного зерна, что-то развивало в новое и более жизненное в смысле *истинной* жизни. И новым критерием *истинности* богословских идей и выводов становится уже жизнь во Христе.

По сути, этого и ждала духовная школа от своих выпускников: полученный комплекс знаний, заданная система координат определяли некоторую перспективу, которую реализовать можно было только личными усилиями. Таким образом, святой праведный Иоанн Кронштадтский, правильно поняв это, реализовал то, что заложено в самом понятии *духовности* школы, какими бы историческим факторами не обуславливалось появление этого определения.

Источники

1. Вениамин (Федченков), митр. О. Иоанн Кронштадтский. М., 2005.
2. Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. С. 910–954.
3. [Голубев М. А.] О христианской любви к ближним: Изъяснение 13-й гл. 1-го послания св. ап. Павла к Коринфянам // Христианское чтение. 1856. Ч. 2. С. 91–132.
4. [Голубев М. А.] Новозаветные события, предугазанные в истории пророка Ионы // Христианское чтение. 1853. Ч. 2. С. 229–239.
5. Кирилл (Наумов), архим. Пастырское богословие. СПб., 1853.
6. Макарий (Булгаков), еп. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.
7. Макарий (Булгаков), еп. Православно-догматическое богословие: в 5 т. СПб., 1849–1853.
8. Орнатский И., прот. Кончина и погребение отца Иоанна Кронштадтского // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 2004. С. 552–571.
9. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 2004.

Н. Ю. Сухова

10. *Иоанн Кронштадтский, прав.* О Кресте Христовом (против раскольников) // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. М., 2005. С. 3–80.
11. *Иоанн Кронштадтский, прав.* Дневник. Т. 2, 15, 16, 17, 18, 19. М., 2005, 2006, 2008, 2009, 2010, 2012.
12. *Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Письма разных лет: в 2 т. М., 2011.
13. *Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Предсмертный дневник 1908 года: май — ноябрь. М., 2006.
14. *Сергиев И., прот.* Моя жизнь во Христе: Дневник. СПб., 1893.
15. *Сергиев И., свящ.* Катехизические беседы. Кронштадт, 1859.
16. *Соколов В. А.* Посещение Московской духовной академии отцом Иоанном Кронштадтским // Богословский вестник. 1895. Т. I, № 2. С. 279–289 (отд. оттиск: М., 1895).
17. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией пресвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 5 т. СПб., 1885–1888.

Литература

1. *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002.
2. *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Т. 1, кн. 1. Киев, 1902.
3. *Сухова Н. Ю.* К вопросу о педагогической подготовке выпускников высшей духовной школы в контексте реформ XVIII–XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 3 (6). С. 70–91.
4. *Сухова Н. Ю.* Санкт-Петербургская духовная академия в период обучения в ней святого праведного Иоанна Кронштадтского // Материалы XIX ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: в 2 т. Т. I. М., 2009. С. 357–364.
5. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
6. *Хондзинский П., прот.* Опытное богословие святого праведного Иоанна Кронштадтского // Святой праведный Иоанн Кронштадтский: избранные сочинения, проповеди, материалы. М., 2011. С. 98–136.

Nataliya Yu. Sukhova

COULD «SCHOOL» THEOLOGY BECOME «EXPERIMENTAL»? (SAINT JOHN OF KRONSTADT AS A GRADUATE OF A HIGHER THEOLOGICAL SCHOOL)

Abstract. The article is devoted to the relations of St. John of Kronstadt with the higher theological school and academic theology. The author touches on the three main issues that deter-

mine the structure of the basic part of the article: school theology in general and in the St. Petersburg Theological Academy, especially during the period of Ivan Sergiev's training there; the attitude of St. John to the higher theological school and the academy that brought him up; the theology of St. John in relation to the theology of the school that brought him up. The study is based on the complex of St. John's works, which includes early works (PhD thesis and catechetical discourses), some sermons («Words») and diaries. The research has resulted in the conclusions which imply further discussion and new prospects for studying. The case of Fr. John demonstrates that «school» theology can turn «experimental», and even the diary notes of Fr. John become not just a practical pastoral text, but theology, although in the form different from the academic one.

Fr. John never tried to revise, much less reject, either the knowledge he received at the academy or the tradition that brought him up, no matter how he viewed its state at different stages. Moreover, by his advice and communication in the academies — with students, future pastors, first of all — Fr. John tried to make up for the insufficiency of this tradition. The theological ideas studied at the academy were further tested by Fr. John's personal experience of life in the Church. Under the influence of this experience, the acquired theological knowledge was in some ways preserved, somehow clarified and deepened, but at the same time the inevitable school teaching definitions, schemes and structures were overcome. The grain of «school» theology was destroyed outwardly, sprouting into a new — «experimental» — theology, which inherited something from the destroyed grain, developed something into a new and more vital one in the sense of true life. And the new criterion for the truth of theological ideas and conclusions is already life in Christ.

In fact, this is what the theological school expected from its graduates: the acquired set of knowledge, the given coordinate system determined a certain perspective, which could only be realized by personal efforts. Thus, St. John of Kronstadt, having understood this properly, realized what was inherent in the very concept of spirituality of the school, no matter what historical factors determined the appearance of this definition.

Keywords: *Saint John of Kronstadt, Saint Petersburg Theological Academy, academic theology, experimental theology, Orthodox pastoral ministry.*

Citation. Sukhova N. Yu. Could «School» Theology Become «Experimental»? (Saint John of Kronstadt as a Graduate of the Higher Theological School). *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2021, no. 36, pp. 283–305. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-283-305

About the author. Sukhova Nataliya Yurievna — Professor, Dr. hab. (History; Church History), Professor of the Department of General and Russian Church History and Canon Law, Head of the Scientific Center for the History of Theology and Theological Education of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities (Russia, Moscow). *E-mail:* suhovanat@gmail.com

Submitted on 23 June, 2021

Accepted on 20 September, 2021

References

1. Florovsky G., prot. *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian Theology]. Vilnius, 1991.
2. Glubokovsky N. N. *Russkaia bogoslovskaiia nauka v ee istoricheskom razvitii i noveishem sostoianii* [Russian Theological Science in Its Historical Development and Modern State]. Moscow, 2002.
3. [Golubev M. A.] Novozavetnye sobytiia, predkazannye v istorii proroka Iony [New Testament Events Foretold in the Story of the Prophet Jonah]. *Khristianskoye chteniye — Christian Reading*, 1853, Part 2, pp. 229–239.
4. [Golubev M. A.] O khristianskoi liubvi k blizhnim: Iz"iasnenie 13-i gl. 1-go poslaniia sv. ap. Pavla k Korinfianam [On Christian Love for Neighbors: Explanation of Chapter 13, 1st Epistle of St. Paul the Apostle to the Corinthians]. *Khristianskoye chteniye — Christian Reading*, 1856, Part 2, pp. 91–132.
5. Ioann Kronshtadtskii, prav. *Dnevnik* [Diary]. Vols. 2, 15, 16, 17, 18, 19. Moscow, 2005, 2006, 2008, 2009, 2010, 2012.
6. Ioann Kronshtadtskii, prav. O Kreste Khristovom (protiv raskol'nikov) [On the Cross of Christ (Against the Schismatics)]. *Stavrograficheskii sbornik. Kn. III: Krest kak lichnaia sviatynia* [Stavrographic Collection. Book 3: Cross as a Personal Shrine]. Moscow, 2005, pp. 3–80.
7. Ioann Kronshtadtskii, prav. *Tvoreniia. Pis'ma raznykh let: v 2 t.* [Works. Letters from Different Years: in 2 vols.]. Moscow, 2011.
8. Ioann Kronshtadtskii, prav. *Tvoreniia. Predsmertnyi dnevnik 1908 goda: mai — noiabr'* [Works. Last Diary, 1908: May — November]. Moscow, 2006.
9. Khondzinsky P., prot. Opytnoe bogoslovie sviatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo [Experimental Theology of St. Righteous John of Kronstadt]. *Sviatoi pravednyi Ioann Kronshtadtskii: izbrannye sochineniia, propovedi, materialy* [Holy Righteous John of Kronstadt: Selected Works, Sermons, Materials]. Moscow, 2011, pp. 98–136.
10. Kirill (Naumov), arkhim. *Pastyrskoe bogoslovie* [Pastoral Theology]. Saint Petersburg, 1853.
11. Makarii (Bulgakov), ep. *Istoriia russkogo raskola, izvestnogo pod imenem staroobriadstva* [The History of the Russian Schism, Known Under the Name of the Old Belief]. Saint Petersburg, 1855.
12. Makarii (Bulgakov), ep. *Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie: v 5 t.* [Orthodox Dogmatic Theology: in 5 vols.]. Saint Petersburg, 1849–1853.
13. Ornatskii I., prot. Konchina i pogrebenie ottsa Ioanna Kronshtadtskogo [The Death and Burial of Father John of Kronstadt]. *Sviatoi pravednyi Ioann Kronshtadtskii v vospominaniikh samovidtsev* [Holy Righteous John of Kronstadt in the Memoirs of Eyewitnesses]. Moscow, 2004, pp. 552–571.
14. Sergiev I., prot. *Moia zhizn' vo Khriste: Dnevnik* [My Life in Christ: Diary]. Saint Petersburg, 1893.
15. Sergiev I., sviashch. *Katekhizicheskie besedy* [Catechetical Talks]. Kronstadt, 1859.

16. *Sobranie mnenii i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i tserkovno-gosudarstvennym voprosam, izdannoe pod redaktsiei preosviashchennogo Savvy, arkhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo: v 5 t.* [Collection of Opinions and Reviews of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on Educational and Church-State Issues, Published Under the Editorship of His Grace Savva, Archbishop of Tver and Kashin]. Saint Petersburg, 1885–1888.
17. Sokolov V. A. Poseshchenie Moskovskoi dukhovnoi akademii ottsom Ioannom Kronshtadtskim [Visit of Fr. John of Kronstadt to Moscow Theological Academy]. *Bogoslovskii vestnik — Theological Herald*, 1895, vol. I, no. 2, pp. 279–289 (Special edition: Moscow, 1895).
18. Sukhova N. Yu. K voprosu o pedagogicheskoi podgotovke vypusnikov vysshei dukhovnoi shkoly v kontekste reform XVIII–XX vv. [On the Issue of Pedagogical Training of Graduates of the Higher Theological School in the Context of the Reforms of the 18th–20th Centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya — St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 2007, no. 3 (6), pp. 70–91.
19. Sukhova N. Yu. Sankt-Peterburgskaia dukhovnaia akademiia v period obucheniia v nei sviatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo [Saint Petersburg Theological Academy During the Period of Study of St. John of Kronstadt in It]. *Materialy XIX ezhegodnoi Bogoslovskoi konferentsii Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Proceedings of the 19th Annual Theological Conference of the St. Tikhon's University]. Moscow, 2009, vol. 1, pp. 257–264.
20. *Sviatoi pravednyi Ioann Kronshtadtskii v vospominaniakh samovidtsev* [Holy Righteous John of Kronstadt. Memoirs of Eyewitnesses]. Moscow, 2004.
21. Veniamin (Fedchenkov), mitr. O. *Ioann Kronshtadtskii* [Fr. John of Kronstadt]. Moscow, 2005.
22. Vysochaishe utverzhdennyi 30 avgusta 1814 g. projekt Ustava pravoslavnykh dukhovnykh uchilishch [Imperially Approved on August 30, 1814, the Draft Charter of Orthodox Religious Schools]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Saint Petersburg, 1830, vol. XXXII, No. 25673, pp. 910–954.
23. Zavitnevich V. Z. *Aleksei Stepanovich Khomiakov* [Alexey Stepanovich Khomyakov]. Kiev, 1902, vol. 1, book 1.